

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Немного любви
для бедной Лизы

Р О М А Н

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Немного любви для бедной Лизы : роман /
Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2023. —
320 с.

ISBN 978-5-04-188671-4

Как-то, гуляя ночью с собакой, юная Лиза познакомилась с мужчиной, который после нескольких коротких встреч предложил ей выйти за него замуж. И Лиза, долго думая, согласилась. Она мечтала сбежать из родного дома! Она чувствовала себя чужой в семье — старшая сестра ее ненавидела, мать, погруженная в многолетнюю депрессию, никогда не жалела, не защищала... В общем, бегство с первым же человеком, предложившим взять ее под свое крыло, показалось Лизе спасением. И она вышла замуж. Родила дочку и стала называть мужа только так: любимый. Но любила ли она? Любил ли Лизу ее муж? Ответы на эти вопросы пришли лишь через четыре года, когда дочка чуть подросла, а семейной идиллии в одночасье пришел конец.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-188671-4

Все твои «беды» как летний снег: вот он есть, миг — и нет ничего, просто показалось... Не надо только все время тыкаться носом в прошлое или мечтать о том, каким могло бы стать будущее

*Макс Фрай.
Путешествие в Кеттари*

Бедняга Фрам дернулся во сне, заскулил тихо. Лиза оторвалась от книжки, глянула на него с тревогой — ну что, что для тебя еще сделать, дружок? За ухом почесать? Выдать шепотом волну жалостливой белиберды? Говорят, собаки эту волну даже во сне воспринимают... Особенно, когда болеют.

Опять заскулил... Жалко. Прислушаешься — ни дать ни взять человеческие страдания, когтями по сердцу скребут. Или страдания для всех бывают одинаковые? Все равно им, какое тело терзать?

Ага, вот ушами пошевелил, глаза тоскливые приоткрыл. Моргнул, чуть приподнял голову.

— Я здесь, Фрам... Я здесь, я никуда не ушла. Сижу вот, книжку читаю... Совершенно новая книжка Макса Фрая, представляешь? Мне Юкка дала... Ей мама книжки покупает, а она не читает, глупая. Вот, мне сплавила. Юкка вообще-то классная... Да ты ее знаешь, что я тебе рассказываю! Тебе ведь немного лучше, правда, Фрам? Ты долго спал...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Она привыкла разговаривать с ним, как с человеком. И не важно, что Фрам отвечать не умел. И не надо. Можно и монологами общаться, если приспичит. И вполне себе конструктивно...

Была, была для нее в этих монологах своя эгоистическая цель. Хотелось удостовериться, что в сложившихся обстоятельствах она способна на нормальные эмоции — добродушные, смешливые, жалостные, радостные. Человеческие, одним словом. А как иначе? Когда все время приходится оборону держать...

Фрам наклонил голову набок, вывалил язык, сияясь то ли прислушаться, то ли улыбнуться. Да, его улыбку она тоже себе придумала — ничего себе улыбочка получилась, оскал на всю пасть! В конце концов, должен же кто-то ей улыбаться в этом доме!

— Тебе бы сейчас теплого молочка попить, Фрамушка, я понимаю... Но подожди немного. Сейчас Наташка из кухни к себе в комнату свалит, я схожу и принесу. В нашем с мамой холодильнике есть молоко... Что? Ты думаешь, мама не разрешит взять для тебя молока? Нет, не волнуйся, она ничего не скажет... Ей все равно. Хотя ты прав, пожалуй. Было бы лучше, если бы она тоже в свою комнату ушла. Подождем, Фрамушка, ладно? Подождем...

Пес покорно положил голову на передние лапы, замер. Все понял, все услышал. Умница. Вернее, умник, — Фрам же все-таки мальчик!

Немного любви для бедной Лизы

Хотя по возрасту наверняка дедушка... Нет, нет, пусть он будет мальчиком. С мальчиком разговаривать веселее. Чего ж она будет — с дедушкой так фамильярничать? Нехорошо.

Прислушалась... Ага, из кухни слышен-таки Наташкин голос. Противный, высокий, с паузами-всплесками агрессивного хихиканья. Это она для мужа старается — изображает позитив семейной жизни. А маминого голоса не слышно... Хотя не факт, что мама в свою комнату ушла. Может, просто помалкивает, как обычно. И лицо у нее при этом угрюмо-вежливое, если можно так выразиться, то есть взять и соединить угрюмость и вежливость воедино. Казалось бы, нельзя соединить, но у мамы получается.

Да, все-таки странная сложилась у них в квартире психофизика. Вроде и присутствует семья какая-никакая, на первый взгляд самая что ни на есть обыкновенная — мать и две дочери, старшая и младшая. Дочери тоже обыкновенные, меж собою родные сестры. Старшая замужем, младшая только-только школу закончила, на пороге жизни стоит, если выразаться высоким штилем. А еще в таких случаях говорят — все пути для нее открыты, потому как надежный тыл есть — и мать есть, и старшая сестра. Сказочная ситуация, вполне благополучная, правда? Вышагивай, мол, юное создание по этим открытым путям, не хочу! Но это опять же только на первый взгляд неискушенный деталями и подробностями. Потому что,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

если вникать в детали и подробности, то никакой семьи тут и рядом не стояло. А вот коммуналкой явно пахнет! А что? Все признаки налицо... На кухне, например, два холодильника в ряд стоят — один Наташкин, другой их с мамой. И вся вечерняя жизнь вокруг холодильников да старой газовой плиты крутится. С вечера на кухне потусовались — и все, брейк! Быстро разбежались по своим комнатам, и чтоб ни гу-гу до утра! И утро тоже начинается с одинаково коммунального, произнесенного сквозь зубы — «здрась...». И это еще повезло, что квартира у них трехкомнатная, всем отдельно взятых территорий хватило, иначе бог знает, как пришлось бы устраиваться!

А вообще... Чего она опять разнюнилась жалостливым сарказмом? Ну да, коммуналка, и что? И всегда была коммуналка, сколько она себя помнит. Если не по форме, то по содержанию. Хотя в детстве и ей перепало немного из остатков уютной семейственности — в одной комнате была мамина спальня, в другой — Наташкина комната, а третья официально числилась гостиной. Вот там, в гостиной, и прошло ее детство. Спала на диване, играла на ковре, потом в углу, за ширмочкой, ее школьный стол притулился. И мама с Наташкой входили в гостиную всегда с одним и тем же вопросом — ну, что ты тут?!

Странный вопрос, конечно. Ну как, как на него можно ответить вразумительно? Да, вот она я! Тут я! Съежилась под вашей досадливой инто-

Немного любви для бедной Лизы

нацией, нахохлилась, накукожилась, но сдаваться не собираюсь! Фиг вам, понятно? Хотя и держусь из последних сил... Думаете, легко ребенку выжить в мамином угрюмом усталом равнодушии? Или в Наташкином злом раздражении, когда к вопросу еще и подстрочник фоном звучит — мол, что ты тут... навязалась на нашу голову?

Потом, когда Наташка замуж вышла, пришлось передислокацию произвести. Наташка с Толиком заняли большую гостиную, сразу замок в дверь врезали, а она со своим школьным столом, креслом-качалкой и старым диваном переехала в бывшую Наташкину комнату. Да, еще с компьютером, который бабушка купила! Допотопный компьютер — все, что осталось от бабушки... На свои «похоронные» накопления тогда бабушка покусилась, можно сказать, подвиг для внучки совершила. А после того, как бабушку похоронили, больше никто для нее подобных подвигов не совершал...

Бабушка, бабушка! Ой, лучше не вспоминать... Луч света в темном царстве, вот кто ты для меня была, бабушка! Если бы не ты, разве были бы у меня силы на эту стойкость, пусть нахохленную и скукоженную? Разве могла моя душа поднять флаги с начертанным на них девизом — «фиг вам»? Нет, конечно. Давно бы уж Наташка меня маслом по хлебу размазала и съела бы, утробно мурлыкая. Такая уж она по натуре уродилась — нюхом чует, кого бы съесть.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Вот и мужа своего Толика давно проглотила. Хотя, наверное, Наташке усилий особых не понадобилось — Толик и без того был размазней. Вялое существо в классических трениках. Рыхлое белое пузо, характерная лысинка, бледная и слегка влажная, как молодая картофелина. И обязательно вежливая улыбочка — здрасте, Лиза... До свидания, Лиза... А ваша собачка натоптала с улицы в коридоре, надо бы за ней подтереть... И где его Наташка откопала, интересно? Наверное, прямо на улице высмотрела жадным орлиным взором. Потом собралась, сконцентрировалась и хват — утащила в свою берлогу... А как иначе? Как мужа себе добывать, если у природы милостей все равно не выпросишь?

Матушка-природа, если честно, на Наташке сильно отдохнула. Палец о палец не ударила, на всю катушку расслабилась. Иногда, глядя на старшую сестру, Лиза ловила себя на препаскуднейших злорадных мыслишках — вот если бы у меня, к примеру, были такие слоновьи ноги... Или вот это место, которое должно называться талией... Или лицо, стекающее к подбородку зрелой грушей... Да я бы...

Слава богу, злорадные мыслишки таяли, не успев расцвести и оформиться во что-то более злобно определенное. Вернее, она сама им воли не давала. Еще чего... Сказано — фиг вам, значит, фиг вам.

Немного любви для бедной Лизы

В общем, свое отношение к Наташке она худо-бедно определила, научившись вовремя вставать в защитную стойку. А вот с мамой... С мамой было сложнее, да. Тут на препаскуднейших злорадных мыслишках и на борьбе с ними не выедешь. Мама — это другое... Мама — это детская обида и боль. Наверное, если спросить любого ребенка, что есть такое — мамино равнодушие и пустота в глазах, когда она смотрит на тебя и не видит тебя, а видит что-то другое, свое, внутренне горестное... Ребенок ничего и не ответит, а просто заплачет. Но ей, Лизе, даже плакать нельзя было. Нельзя было обозначать свое присутствие, потому что своим присутствием она очень мешала маме плавать в этом ее внутреннем горестном...

Нет, были причины, конечно же, и у мамино-го внутреннего горестного. И Лиза об этих причинах прекрасно знала. Впрочем, причина была одна, и называлась она — папа. Бросивший маму папа.

Лиза его плохо помнила. То есть как полноценного папу — совсем не помнила. Он ушел, когда ей было пять лет. А Наташке — пятнадцать. Начала его помнить с тех моментов, когда он стал приходить за ней по воскресеньям. Помнила мамину нервную суматоху, ее слезы, ее дрожащие пальцы, завязывающие розовые банты в жалких Лизиных косичках, потом папин звонок в дверь... А потом был длинный и нудный день, молчаливое гуля-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ние в парке, кафе-мороженое, дурацкие вопросы ради самих вопросов и папины ужасно виноватые, ужасно усталые глаза. И, как нелепое к ним приложение, бодренькая улыбка на прощание. Улыбка человека, выполнившего свой долг. И свободного, наконец. А ее ждала впереди мамина истерика...

— Лиза, что? Что, что он тебе говорил? Отвечай! Ты что, язык проглотила?

— Да ничего...

— О чем спрашивал?

— Mam, я не помню...

— Как, как ты можешь не помнить? Ведь о чем-то вы говорили? Он рассказывал тебе о другой тетеньке, да? О том, какая она красивая, добрая и хорошая? Или о том, что у тебя скоро родится брат или сестра? — спрашивала мама.

— Какие брат и сестра? Где? У кого? — тарасила она на мать испуганные глаза.

— Ты... Ты глупая, Лиза, или ты притворяешься? Ты специально, да? Ты хочешь, чтобы мама опять всю ночь плакала?

— Нет... Нет, я не хочу, мам...

— Все, хватит! Уйди с моих глаз долой! Видеть тебя не могу! Не могу... Не могу... Не могу-у-у...

Мама быстро шла в спальню, унося с собой истерическое рыдание. Хотя поначалу Лизе казалось, что это никакое не рыдание, а просто маме воздуху не хватает и она вдыхает его с жадностью, до икоты, и там, в спальне, откроет настежь окно и продышится, и... И вернется в гостиную, и бу-

Немного любви для бедной Лизы

дет виновато улыбаться... Ведь она, Лиза, ни в чем, по сути, не виновата, ни капельки! Мама же сама все утро ей на голове дурацкие розовые банты вязала, сама на прогулку с папой отправила... И на нее же теперь сердится! Ведь не должно так быть... Она сейчас одумается и вернется...

Но мама не возвращалась. Поначалу из-за двери спальни слышались ее рыдания, потом наступала тревожная тишина, потом тишину прорывало хриплое тоскливое завывание, все нарастающее по высоте, по силе неистового звучания, и хотелось убежать от него подальше, спрятаться, сжаться в комочек, заткнуть уши...

— Слышишь, Лизка? Опять мама с катушек съехала... — заглядывала в гостиную Наташка, на ходу жуя бутерброд с маслом. Она все время что-то жевала и потому слова проговаривала невнятно, утирая тыльной стороной ладони губы и подбородок. — Теперь до утра с ума сходить будет... А все из-за тебя, Лизка, из-за тебя.

— Из-за меня?! Почему, Наташа? — спрашивала она осевшим от ужаса голосом и прижимала кулачки ко рту. — Почему — из-за меня? Я же ничего плохого не сделала... Я маму всегда слушаю, не капризничаю, я даже мороженого давно не просила...

— Да при чем тут мороженое, дурочка!

— Тогда почему?

— Да потому... Ты же с папой сегодня ходила гулять?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да... Но мама же сама сказала — собирайся, за тобой папа придет.

— Не надо было ходить, Лизка.

— Почему?

— Не знаю... Маме бы, наверное, легче было, если бы ты заартачилась и не пошла. Я же, например, с папой никак не общаюсь... Он звонит, а я трубку бросаю. А что? Если маму бросил, значит, и меня бросил, а телефонных звонков да свиданий Христа ради мне не надо! Мама на меня ругается, а самой приятно, я же вижу... Она даже скрыть не может, как ей приятно, когда я трубку бросаю. Хотя... Кто его знает, как лучше! Я — это одно, а ты — это другое. Она ж тебя специально для этого и рожала, чтобы папа нас не бросал.

— Специально? А как это, Наташ?

— Ну, как бы тебе объяснить, глупая... Конечно, ты малявка еще, не поймешь... В общем, у нашего папы другая семья на стороне была. Тоже как бы женщина, но не законная жена. Понимаешь?

— Ну... Да...

— Ой, да ни черта ты не понимаешь! Мама папу очень любила, а сейчас еще больше любит, в этом все дело. И она не хотела, чтобы папа уходил... И потому тебя придумала. То есть ей пришлось тебя срочно рожать. И все равно не помогло! Та тетка, которая не жена, никуда ж не делась... Подумаешь, подождала еще пять лет... А мама, выходит, и без мужа осталась, и с лиш-

Немного любви для бедной Лизы

ним ребенком на руках. Куда теперь тебя девать прикажешь? Можно, конечно, папе отдать, но мама не отдаст — назло... А ты говоришь — ни в чем не виновата! Виновата, Лизка, еще как виновата! Ну, чего сидишь, глаза вылупила? Ой, да ну тебя... Пойду, еще хлеба с маслом поем... Это у меня от стресса такой жор открылся, наверное...

Наташка ушла, а Лиза сидела, боясь дышать, прислушивалась к новому ощущению, которое поселилось внутри. Оно было ужасно — ощущение собственного досадного присутствия-недоумения. Почему-то очень хотелось сползти на пол, закатиться под диван и лежать там тихо-тихо, закрыв глаза и свернувшись клубочком. И даже уснуть... И чтоб не просыпаться никогда.

Правда, потом наваждение ушло. Лиза сглотнула слезы, сжала зубы, прищурила глаза — неправду Наташка говорит! Врет, все врет! Она всегда врет... Зачем, зачем она ей это рассказала? Да еще и с таким удовольствием? С таким же удовольствием, как жевала свой бутерброд...

Лиза содрогнулась — фу, чего это вдруг вспомнилось! Мало ли, что там было, в раннем детстве. Если ничего хорошего не было, зачем туда памятью возвращаться?

Приподнявшись в кресле, она снова прислушалась — да что ж такое, когда Наташка сегодня уgomонится, наконец? Шла бы скорее в свою комнату, весь вечер на кухне толчется! Или наплевать? Пойти, что ли, Фраму молока погреть?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Но ведь привяжется опять разлюбезная сеструха... Судя по визгливому хохотку, она сегодня в боевом настроении. А когда Наташка в боевом настроении, лучше от нее подальше держаться. И не от страха, а... Просто так надо. Сермяжный инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

Да, Наташка, она такая. Она вообще умеет напасть нагло и неожиданно, с особым азартом, будто таракана тапком прихлопывает. И всматривается потом в тебя с одержимо злорадным торжеством, будто перед ней не младшая сестра, а он и есть, потенциальный тараканий трупик...

Наверное, для этого особый талант нужен. Талант, направленный на уничтожение. Поддашься — и конец тебе, как личности, и аплодисменты таланту... Да только фиг тебе, Наташка, слышишь? Фиг...

Эх, было бы куда уйти, она бы ушла. И жаль, что папа о ней не вспомнил, когда в другой город на жительство переезжал. Это она уж потом узнала, что он уехал... А с другой стороны — какие к нему претензии? Это ж мама захотела ее родить, как заложницу, а папе не особо и надо было. Заложников в счастливую жизнь не берут.

Нет, маму жалко, конечно. Видимо, она так и не смогла из себя избыть любовь к папе. Сначала плакала, истязалась горем, потом долго болела, лечилась... Но разве от любви можно вылечить? Весь и результат лечения — полное равнодушие к жизни, постоянная депрессия. И сейчас

Немного любви для бедной Лизы

не старая еще женщина, а выглядит как старуха. Плюс к тому вечный запах из ее комнаты — затхлой одежды и корвалола... И тяжкая угрюмость, и волосы неухоженные, и глаза пустые, уставшие. Ходит, как заведенная, по одному и тому же маршруту — из дома на работу, с работы — домой. Цель себе поставила — до пенсии дотянуть. Хотя, с другой стороны, какая-никакая, но цель. Уже хлеб... Но ведь и достала уже с этим «дотянуть», если честно. Как притча во языцах звучит, в печенках сидит! Заглянет, к примеру, в ее комнату со своим любимым вопросом — ну, что ты тут? — и обязательно при этом добавит — ох, Лиза, Лиза, мне бы до пенсии дотянуть... Или вдруг попытаться начнет — что, мол, у тебя в школе? И, не дождавшись ответов, опять свое — мне бы до пенсии дотянуть... Даже к обычной просьбе помыть полы в коридоре может эту присказку присобачить! Вот интересно, что это за звенья такие связующие — школа, мытье полов и «дотягивание» до пенсии, а? Логика где, интересно? А потом что? На пенсии-то? Другая жизнь начнется, прекрасная и счастливая?

Даже не верится, что мама когда-то была молодая и красивая. А она была очень красивая, судя по старым фотографиям. Какая-то вся... сияющая! Может, потому, что папу любила, оттого и сияла? Но неужели так сильно любила? Что, уже и пережить нельзя? Или... это другое что-то, к любви не имеющее никакого отношения?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Да уж, вопросы, вопросы... Наверное, ей, Лизе, не понять. Да и что она может понять в свои неполные восемнадцать? Не брать же за основу жалкий школьный опыт влюбленностей и девчачьих откровений о том, чего было и не было! Да и не любила она ни с кем откровенничать... Потому, может, и близких подруг нет. И вообще, она в школе была «гордой белой вороной, уткнувшей-ся носом в книжку, к тому же плохо одетой», как выразился однажды Сашка Пархоменко, остряк и отличник. Она тут же развернулась и ему в нос дала. Не хотела, само получилось. Из носа кровичка текла... Хорошо, что Сашке в голову не пришло пожаловаться, вообще-то он нормальный пацан был, в отличие от других...

Да, в школе она была изгоем, белой вороной. Еще с того времени, когда Светка Ильинская, самая модная и самая блондинистая девчонка в классе, объявила ей бойкот. Не в полном смысле бойкот, конечно, а так, насмешливое отторжение. И другие девчонки с угодливым старанием подхватили:

— Новоселова, ты в этой юбке до десятого класса ходить будешь? Пока дырки не протрешь? Бедная, бедная Лиза...

— Новоселова, а эти брючки тебе мама дала поносить, ага?

— Ой, ее мама, наверное, с юности их сохранила...

— ...С нафталином вместо духов!